

Цикл Владимира Поселягина

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Освобожденный

Освободившийся

Возрожденный

* * *

— Доклад, — первым делом приказал я, когда мы вместе с бароном Ла-Ерго, моим, можно сказать, тестем, вернее дедом моей младшей жены, ворвались в оперативный штаб нашей корабельной группировки.

Встреча с недавно прибывшими в систему гостями произошла на борту нашего крейсера, там были специализированные помещения для подобных мероприятий, так что бежать далеко не пришлось, меньше минуты, и мы оказались в штабе. Там царила деловая суета, так что, отойдя в сторону, чтобы не мешать офицерам, я вопросительно посмотрел на флаг-полковника Тентена.

— Наши гости вполне в своём репертуаре. Если нельзя договориться, нужно забрать это силой, — криво усмехнулся тот, после чего прояснил: — Крейсер направляется к нам, оба лайнера и транспортник двинули к Боре, в соседнюю систему. Об обороне им ничего не известно, мы не сообщали. Скоро влипнут под mortarы баз.

— Какие противодействия осуществлены? — поинтересовался я.

— Крейсер для нас не противник, да и не думаю, что он атакует. Нам просто показывают, чтобы не лезли к ним. Боевой корабль выставлен как щит. Что делать с гражданскими судами, пока не знаю. Что прикажете?

— Мы сейчас не в том положении, чтобы терять даже таких людей. Отправьте Рен Сою информацию об обороне. О том, что терминал уже не функционирует, сообщать не стоит. После этого предъявите ультиматум, их присутствие в обеих системах не желательно. Если не уберутся сами, мы их выдавим силой. В случае нехватки, с топливом мы поможем. Если среди беженцев есть желающие присоединиться к нам, примем. На этом всё.

— Хорошо, — кивнул флаг-полковник. — Связисты сейчас отправят отредактированный текст представителям беженцев.

Барон, узнав, что пока ничего страшного не произошло, выслушал нас, сообщил, что будет в своём координационном центре, и покинул штаб. Этот центр находился в соседнем помещении, так что идти ему было не далеко.

— Сообщение отправлено, — через пару минут сказал Тентен. — Ожидаем ответа. Крейсер противника замер у границы нашей зоны безопасности, не пересекая её и не переходя к активным действиям.

— Я в курсе, мой канонир на «Огоньке» уже доложила. Она держит его под прицелом наших туннельников. Ладно, если появятся какие новости, дайте знать, я буду у себя.

— Хорошо, ваша светлость, будет исполнено.

Покинув штаб, я направился на «Огонёк», для чего пришлось воспользоваться челноком. Когда прозвучала боевая тревога, крейсер отошёл от шахтёрской базы, к которой был пристыкован, чтобы встретить противника, а вот «Огонёк» как стоял пристыкованным с другого борта, так и остался стоять. Пилотов для него у меня из подданных пока не было. В смысле из тех, кто поступил ко мне на службу. Был один

на базе, но он и управлял ею. Моему канониру несколько не мешало то, что «Матрона» стояла у базы, пушки не имели мёртвой зоны, а доступ в рубку я дал ей дистанционно.

Вернувшись на борт своего судна, я сразу отправился в рубку, чтобы отвести судно от базы. Теперь против одного крейсера беженцев было два тяжёлых корабля, один соответствовал противнику по огневой мощности, и малые боевые корабли. Это я про корветы. Теперь, когда я отвёл тяжёлый шахтёр в сторону и стабилизировал судно, мой канонир могла задействовать пушки не только одного борта, а фактически две трети артиллерии. Хотя этому крейсеру и одной трети хватит. С одного залпа можно его в сверхновую превратить.

Пока я добирался до «Огонька» и отводил его в сторону, прошло достаточно времени, однако штаб продолжал докладывать, беженцы из демократического государства на наши сообщения и поданную информацию о действующей обороне Бореи никак не реагировали. Оба лайнера и транспортник продолжали двигаться к планете, а крейсер стоял барьером между нами и ими. Связь со штабом у меня была постоянная, поэтому, когда Тентен вышел на меня с вопросом, что будем делать, я ответил:

— Вы, а не они, мои подданные. Вами я рисковать не хочу. Беженцы сами выбрали свою судьбу. Продолжайте отправлять сообщения, что их путь ведёт к гибели. Добавьте ещё, что если они сами согласятся покинуть эти системы, мы поможем им с топливом и припасами. Всё, выполняйте.

К сожалению, наш призыв так и не был услышан. Правда, хотелось бы уточнить, что когда беженцы пресекли границу соседней системы с планетой

Боря, то за час до того как они вошли в зону безопасности баз, плотно ими контролируемую, один из лайнеров вдруг замедлил ход и остановился, а второй лайнер и транспортник пошли дальше. Что было затем, думаю, пояснять не стоит, последовал запрос, паникующие беженцы попытались развернуть суда и дать дёру, когда последовал залп. Хватило одного, чтобы расколоть оба судна на несколько частей. За всем этим мы наблюдали с помощью корвета-разведчика, через который держали связь с планетой.

— М-да, вот так оно и бывает, — вдохнул я, наблюдая, как вокруг обломков крутится множество тел. Оба судна были переполнены.

Всё, что происходило, шло в эфир в новостных каналах. За этим наблюдали как на планете, так и мои подданные на кораблях — шли экстренные выпуски новостей, чтобы люди держали руку на полюсе. Лишь когда суда были уничтожены, включили заставку, чтобы люди не видели погибших. Психику требовалось беречь от таких зрелищ. Хотя выжившие после уничтожения Содружества ещё и не такое видали, как я понимаю.

После уничтожения судов, буквально через минуту у меня на пилотском пульте «Огонька» — а я ещё не покинул рубку своего судна — замигал огонёк входящего вызова. Вызов шёл по личному коду флагполковника Тентена. Мысленно активировав разрешение на связь, я посмотрел на взволнованного полковника, что смотрел на меня с экрана пилотского визора. Можно было настроить так, чтобы передо мной стояла его голограмма, но я больше привык общаться так, вот и не стал ничего менять при модернизации тяжёлого шахтёра.

— Слушаю.

— Ваша светлость! На двух судах беженцев есть выжившие — те, у кого сработали комбезы, переключившиеся в режим скафандра. По примерным прикидкам, выжило не менее трети от общего количества. Разрешите провести спасательную миссию.

— Приступайте немедленно. Однако напомним, что при спасении не должен пострадать ни один из подданных герцогства.

— Мы сделаем всё возможное.

— Нашим судам к месту трагедии никак не успеть, — я задумчиво посмотрел на соседний экран, куда транслировалась картинка с разведчика. — Какие ваши действия? Привлечёте для спасения разведчик?

— Так точно. Вблизи, кроме второго лайнера беженцев, где спускают спасательные суда для отправки к месту трагедии, находится только наш корвет. Конечно, на борт много людей он взять не сможет, но на внешней подвеске вывезет всех, кто сможет за него уцепиться. Дальше передадим их на уцелевший лайнер. Надеюсь, на борту хватит места, чтобы их принять. Если нет, то без шансов.

— Как я уже говорил, действуйте.

Пока полковник со своими подчинёнными руководил спасательной операцией, капитан лайнера пошёл нам навстречу и сообщил, что будет действовать в союзе с нами, чтобы спасти людей. Противодействия не будет. Да и крейсер беженцев с момента трагедии развернулся и на максимальной скорости полетел в соседнюю систему. За ним направились наш крейсер и «Бычок». Кстати, крейсер именовался «Самту». Это я про наш корабль, как называлась лоханка беженцев, меня волновало мало. А вот носитель, который в соседней системе, но с другой

стороны, осуществлял охрану топливного конвоя, назывался «Лайн».

Когда активные действия покинули систему, где мы находились, я вернул «Огонёк» к месту парковки, снова пристыковал его к базе и покинул рубку. Мой канонир, флаг-майор в отставке Малия Окрик, осталась в рубке и продолжила дежурство. Боевую тревогу по нашей группировке Тентен ещё не отменял. Кстати, когда женщина решила вернуться на службу, но теперь уже в мои вооруженные силы, то я подтвердил её звание. Так что теперь дама сидела в комнате старшего офицера с нашивками флаг-майора.

Пройдя в наши с жёнами апартаменты, я принял душ и в гостиной приобнял прижавшуюся ко мне Усладу. Ориана, как всегда, училась, так что не была в курсе трагедии, произошедшей неподалеку.

— Их спасут? — заглядывая мне в глаза, спросила младшая жёнушка.

Девочке было всего семнадцать, но она за год странствий уже поняла ценность человеческой жизни, поэтому, как и многие из моих подданных — а я за эти недели уже свыкся, что у меня теперь есть подданные, — волновалась за выживших. Сумеют ли их спасти, или они погибнут на наших глазах?

— Не знаю, остаётся только надеяться и уповать на профессионализм и храбрость людей, что будут участвовать в этой операции, — вздохнул я, мысленно включил экран визора, переключил на новости, сел с женой на диван. Шла прямая трансляция с борта корвета, который уже приступил к спасению.

На борт было принято сорок человек, ещё около сотни заняли места на обшивке, однако в космосе плавали или цеплялись за обломки ещё несколько сотен. Мне кажется, выживших было около тысячи

человек. Повезло, что стреляли из мортир болванками, после фугасов выживших бы не было. Естественно, корвету и спасательным челнокам со второго лайнера подходить к обломкам было опасно, всё же они находились в зоне действия сканеров и боевых радаров с баз. Однако, похоже, всё же какие-то программные установки у искинов с баз сохранились, поэтому, когда один из ботов сунулся к обломкам, выдавая в эфире сигнал спасательного судна, огня по нему не открыли, так что тот шустро набрал максимальное количество людей и рванул обратно, пропустив встречное судно. Чтобы сократить время, с челнока выживших пересадили на наш разведчик. Именно поэтому на нём столько людей и оказалось. А тот двинул уже к лайнеру. Сам разведчик к обломкам не приближался, это челноки были специализированными спасательными судёнышками, наш корвет им не являлся, ложный код спасательного судна мог быть расшифрован, и тогда быть беде.

Вот этим всем и командовал наш штаб. Всё получилось, всех выживших спасли и доставили на и так переполненный лайнер, несмотря на все попытки противодействовать с крейсера демократов. Те пытались сами командовать, но их послали как наши, так и их же люди с лайнера. Общее количество выживших — девятьсот тридцать один человек, из них двадцать восемь детей. Погибло около трех тысяч, из них более шестисот детей. Цифры огорчали. Услава плакала, когда узнала, к чему привело решение, принятое управлениями беженцев.

После этой трагедии беженцы на двух уцелевших кораблях вернулись в нашу систему, но встали с другой стороны. Сенатор Рен Сой несколько раз пытался связаться со мной, однако я его вызовы переключил

на свой штаб. Хочет общаться, пусть общается с моими военными или будущим наместником планеты Борея. Следующие два дня сенатор вёл переговоры с бароном Ла-Ерго, но перебороть опытного политика не смог и всё же согласился на наши условия. Их было несколько. Первое — сам политик объявляется нежелательной персоной в этих системах. Пусть проваливает. Именно он приказал двигаться к планете, игнорируя наши сообщения, сам же оставался на борту крейсера. Второе — если на борту обеих кораблей есть желающие, то они могут стать моими подданными и перейти к нам. Ну, и третье — я не отменял своего предложения снабдить уходящие суда припасами и топливом. Тем более наш топливный конвой вернулся этим утром.

Сой согласился на все условия. Уже потом через службу безопасности флота я узнал, что погибнуть должны были все три судна, оба лайнера и транспортник. Но второй лайнер не пошёл на верную гибель по той причине, что на его борту вспыхнул бунт. Оказалось, среди беженцев находилась сплотившаяся группа русских переселенцев. Не с Земли, если кто не понял, а потомки землян. Среди них оказался очень неплохой хакер со странным прозвищем Ген Вас, который тайком смог взломать командную сеть лайнера и пребывал в курсе того, что происходило за время полёта. То, что переговоры прошли не по сценарию демократов, в среде которых им не повезло оказаться, ему было известно, а когда все три судна двинули навстречу своей гибели, именно этот хакер поднял сперва своих, а те и остальных пассажиров судна. Именно поэтому капитан лайнера и вынужден был остановить судно. В принципе он ничего не терял, в случае чего мог догнать другие суда, но

своим решением спас всех пассажиров. Ген Вас пытался через антенны лайнера докричаться до экипажей остальных судов, но его, как и сообщения нашего штаба, проигнорировали. Результаты были видны невооруженным взглядом.

Трое суток длился опрос беженцев, после подсчёта выживших. Выяснилось, что из двух тысяч ко мне решило уйти шестьсот семьдесят человек. Потом, как и обещал, я забрал на базу шахтёров тех, кто решил перейти в мои подданные, конечно, пришлось изрядно уплотниться, но пока терпимо, а также мы провели небольшие ремонты, пополнили припасами и топливом оба судна беженцев. Не задерживаясь ни на минуту, крейсер и лайнер стали разгоняться для ухода в гипер. Не успели, чуткие сканеры «Огонька» смогли рассмотреть, как оба судна исчезли во вспышках взрывов реакторов. Крейсер был полностью уничтожен, а вот лайнер уцелел. Перед прыжком все пять искинов в рубке отказали, отчего лайнер стал сбрасывать ход, дрейфуя боком. Вспышки взрывов, что я рассмотрел на его обшивке, отчего те закрыли на несколько секунд детонацией судно от наших сканеров, были от взлетающих и детонирующих ракет. Лайнер разом лишился ракетного вооружения и стал безопасен. Бери — не хочу. Естественно, после случившегося к месту уже второй трагедии — ох, и не везёт этим беженцам! — рванули суда для спасения выживших, крейсер и носитель, но что случилось, я узнал позже. Доложили следователи флотской СБ. Там было всего три сотрудника, но настоящие профи своего дела, им-то и удалось докопаться до сути дела.

Лишь три дня спустя после второй трагедии я впервые услышал имя Ген Вас. Сперва мне доложили, благодаря кому второй лайнер не погиб под

страшными ударами орбитальных мортир баз, а потом — по чьей вине погиб крейсер и был обездвижен лайнер. В обоих случаях был замешан один человек. Он меня сильно заинтересовал, поэтому я и приказал привести его ко мне на борт «Огонька». Тесть, барон Ла-Ерго, фактически сформировал правовую систему, так что этот землянин уже был осуждён, его приговорили к пожизненной каторге. Смертная казнь у меня в герцогстве была, но я просил судью не злоупотреблять ею, применять только в особых случаях, а каторжан можно отправлять и на вредное производство. И от них может быть польза.

К тому моменту, когда крейсер был уничтожен, а следователи раскрыли преступление, прошло уже пять дней. Лайнер был отбуксирован к месту нашей стоянки и висел неподалёку. Искины там уже заменили, у нас были запасные. После этого часть пассажиров перешла к нам, а оставшиеся беженцы всё же покинули нашу систему. Ах да, недавно пришло сообщение с нашего разведчика, что первая база отключена, искины неактивны. Вот со второй пока проблема, она ещё действовала. Однако окно в проходах уже было сформировано, и первые партии моих подданных направились на Борею. Часа через два мне должны доложить, как прошла посадка. Все, кто остался на кораблях, ждут этого. К планете отправился «Бычок» с небольшим количеством добровольцев. Пробная партия. Всё это транслировалось в новостях. На планете уже ждали первых беженцев. Очень ждали, как мне доложил тесть.

Но посадка будет через два часа, а пока я рассматривал немолодого мужчину в жёлтой робе заключенного, которого конвой привёл в тот самый знаменитый мой кабинет.

— Геннадий Васильевич, как я понимаю? — поинтересовался я по-русски, после чего добавил на общем: — Конвой свободен.

Вот гость в изумлении вытаращился на меня, на обстановку в кабинете и, главное, на портреты на стене.

— Земляк? — ахнул гость на родном и могучем.

— И даже соотечественник, — хмыкнул я и кивнул на стул перед столом: — Садись, рассказывай, как докатился до жизни такой.

— Меня сложно удивить, но портреты Сталина и Берии — это слишком даже для моей психики.

— Расскажите о себе.

— Хм, рассказать? Почему нет. Я действительно с Земли, покинул её аж двести лет назад. Вы не поверите, но я эти двести лет не помню. Вернее, последние сто восемьдесят.

— Почему же, вполне поверю. Можно сказать, подобная история мне уже знакома. Что случилось в вашем случае?

— Нападение пиратов. Конвой с эмигрантами направлялся в империю Антран и подвергся нападению пиратов. Два судна они смогли отбить и увести, несмотря на противодействие охраны. Большая группа вроде была. Меня хотели сделать рабом. Но, наверное, мне повезло, столько лет прошло, а я до сих пор не определился. Видимо, после нападения пираты разделились, потому что я оказался на одном из судов, что двигалось в одиночку. Тот пират, которому я достался, попался на глаза антранской патрульной эскадре, и та загнала его на корабельное кладбище двух флотов. Не совсем погибших. Рейдер пирата чудом смог проскользнуть почти в центр кладбища, где и был подбит ещё живым линкором. Эскадра следом

не сунулась, себе дороже, и записала рейдер на свой счёт. Я же выжил по той причине, что меня положили в лечебную капсулу для проверки уровня интеллекта, диагноста на судне не было. Бой и гибель команды с кораблём я пропустил, пребывая в капсуле. Рубка и реактор судна уцелели, и судно ещё протянуло почти сто восемьдесят лет, постепенно восстанавливаясь за счёт ремкомплектов. Повезло, что среди трофеев в трюме были запчасти для того типа реакторов, что стояли на рейдере, а главное, топливные стержни. Итог простой, меня разбудили мусорщики, что зарабатывали это кладбище. Мусорщики были легальными, из империи Антран, так что в скором времени я оказался там, куда и стремился. Один, без семьи и друзей. Я провёл с мусорщиками три месяца. Немного подзаработал и стал работать на себя, не подписывая кабальные контракты. Я юрист.

— А как же хакерские способности?

— Хобби, причём любимое. Именно благодаря ему и я спасся, спас себя, жён и детей, своих друзей.

— Они с вами?

— Да, на шахтёрской базе нашей русской общине выделили угол. Там наши все, тридцать семь человек. Включая двух моих жён и семерых детей.

— Уточните всё же свои данные, да и в каком году по Земле вас похитили пираты?

— Две тысячи двадцать первый год.

— Владимир Владимирович ещё управлял Российским округом?

— О, вы знаете о временах правления этого политика? — искренне удивился гость.

— Я тоже из тех времён, только попал в Содружество раньше лет на десять, до вступления в него Земли. Похищен был работорговцами. Продолжайте.

— Ген Вас — это не моя кличка среди хакеров, а сокращение от Геннадия Васильевича. Тут вы правы. В карте ФПИ я так и записан. Сократили в Центре беженцев для удобства, я не возражал, а теперь и сам привык. По характеру — не авантюрист, но правдолюб. Семь раз отмерю, прежде чем займусь делом. В моей основной работе это очень помогает, но как хакеру только мешает, однако именно благодаря стольким годам жизни в Содружестве меня не поймали. Я был очень осторожен. Ещё я до озлобления не переношу издевательства над женщинами и детьми. Особенно детьми. Русские и Россия для меня всё, хоть я и поездил по миру и повидал много стран и народностей, и осознаю недостатки, присутствующие россиянам и России, и видел страны, в которых бы с удовольствием жил в старости. По Содружеству мне тоже удалось попутешествовать, так я и оказался на борту лайнера — находился с семьёй в круизе. К сожалению, нападение нас застало не совсем в том государстве, что надо, не переношу демократов.

— Да, у меня с пиндосов эта неприязнь осталась, — согласился я.

— У меня тоже, у меня тоже, — вздохнул тот и продолжил: — Толерантен к другим нациям и народностям, кроме тех, что замечены в пакостях в адрес России. В религии — христианин, но без патологий и фанатизма, так как вижу недостатки. Вследствие этого симпатизирую буддизму, но в течениях, где на всякий случай палка за поясом. К мусульманскому миру и мусульманству как религии — без симпатии. Совершенно чуждая нам культура. К тому же постулаты Корана были забыты и извращены современными «последышами» и появился радикальный

вариант, который уничтожила мобильная пехота империи. Тут я с ними был солидарен.

— Про это я не совсем в курсе, позже расскажете, что происходило с планетой за время моего отсутствия.

— Хорошо... По вашим симпатиям и антипатиям, согласен. Сам ненавижу США и Великобританию. Мечтал об их полном уничтожении или низведении до уровня третьесортных стран. Сейчас даже не знаю, что стало после нашествия арахнидов. В силу образования и сфер, в которых «участвовал» — интеллектуал с аналитическим складом ума — разбираюсь во внешней политике с детализацией, что в областях МИДа, что в военных. Сторонник тихих подковерных высокоуровневых операций, приносящих врагу значительный ущерб.

— На Земле работали на правительство? — вопросительно приподнял я левую бровь.

— Боже упаси. Я свободный художник, но иногда привлекали для разовых работ. Причём как на Земле, так и в Содружестве. Видимо, был оценён по достоинству. От постоянной работы отказывался, ценю личную свободу.

— Ну да, ну да, — задумчиво протянул я. — А с демократами как оказались на одном судне?

— Как я уже говорил, нападение застало наш лайнер на орбите одной из планет дерьмократического образования. Результат вы видели. Мы с ними почти год пробыли, не самое приятное время, выживали за счёт спаянности нашей общины. Конечно, у русских общины долго не живут, в основном индивидуалы мы, но всё же смогли выдержать.

— Это понятно, а как с другими соотечественниками повстречались? Только не говорите мне, что так вместе и находились в кризисе.